

Modern Russian Literature. *Eclectic Magazine of foreign literature, science and art*. 1855. Vol. XXXIV.

Morfill W.R. *Russia*. London, 1880.

Russian at Home – Past and Present. *British Quarterly Review*. 1855. Vol. XXI.

Russian Chit Chat; or, Sketches of Residence in Russia, by a Lady, edited by her sister. London, Coventry, 1856.

Russian Literature. *The Westminster Review*. 1877. Vol. LII. London.

The problem of life in the Russian novel. Lecture 1. The Russian soil and Nikolai Gogol. *The Rice Institute Pamphlet: Lectures on Russian Literature*. Texas, 1917. Vol. 4. № 2.

ДИАЛОГИ В ЛИРИКЕ ИРАНСКОЙ И РУССКОЙ ПОЭТЕСС: ПАРВИН ЭТЕСАМИ И АННЫ АХМАТОВОЙ

М. Яхьяпур, Т.А. Кошемчук

Ключевые слова: Парвин Этесами, Анна Ахматова, диалогические формы в лирике, моназере, проблема понимания.

Keywords: Parvin E'tesami, Anna Akhmatova, dialogic forms in the lyrics, monazara, the problem of understanding.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-08

Парвин Этесами и Анна Ахматова – выдающиеся персидская и русская поэтессы – жили и творили в периоды прохождения их стран через революционные перемены. В России это октябрьская революция 1917 года, а в Иране – конституционная революция 1907 года. В проживании испытаний, которые выпали на долю их стран, в противостоянии духу времени, в отстаивании своих ценностей создали эти поэтессы свои уникальные творческие миры. Это объединяет двух женщин-поэтов – при всем различии их культур, судеб и стихов. И использование ими одного характерного для них поэтического приема – речь пойдет о диалогических формах в их поэзии – подчеркивает их разительное различие – при наличии глубокой и неявной изначально, но точно ощущаемой связи.

«Поэзия Парвин Этесами в истории персидской литературы не только своеобразна, но и поразительно уникальна: она смогла соединить древние традиции с новыми идеями» [Сафари-Елизеи, 2008, с. 18]. В эпоху деспотизма, не имея возможности выступать открыто,

Парвин Этесами в своих стихах часто прибегала к иносказаниям, к басенным приемам, к традиционной диалогической форме, известной в иранской поэзии как «моназере» [Сафари-Елизеи, 2008, с. 30]. Эта форма отвечала и ее глубинной устремленности к обретению истины, к высокой проповеди нравственных ценностей и справедливости.

«Моназере в широком смысле слова обозначает спор двух лиц, в поэзии это диалог двух персонажей, в конце которого выявляется правота одной из позиций. Жанр моназере бытовал с древнейших времен, его использовали многие выдающиеся поэты (Муиззи, Анвари, Санаи, Низами, Сальман Саводжи, Ибн Ямин, Саади)» [Сафари-Елизеи, 2008, с. 31]. После XV века к нему обращались редко, так что многие столетия до Парвин жанр этот был в забвении. «... Но Парвин, возродя этот жанр, придала ему серьезную определенность. Этот жанр отличает ее от всех поэтов этого времени, как неповторимую личность и делает ее поэзию популярной и вечной. Моназере – вершина творчества Этесами ...» [Данешгар, 1996, с. 188]. Уникальным является и количество моназере: «... из 209-и стихотворений, вошедших в сборник П. Этесами, 120 писались в форме моназере ...» [Карачи, 2004, с. 41]. Поэтесса сочетает традиционный моназере с западноевропейскими баснями и, наполняя его современным содержанием, создает его своеобразную версию [Сафари-Елизеи, 2008, с. 7].

Значительная часть стихов Парвин посвящена политическим и социальным темам. Нищета, несправедливость властителей, классовые противоречия остро выражены в ее стихах. Никогда не испытал боль нищеты в личной жизни, Парвин Этесами воссоздает печальный мир угнетаемых бедняков, ошеломляя своей сострадательностью. Нравственная проповедь в целом доминирует в ее поэзии, но звучит и личная тема, тема женской души и судьбы – и в этой статье речь пойдет прежде всего об этих стихах, которые дают возможность увидеть различие женских душ – как они выражены в лирике Парвин Этесами и Анны Ахматовой.

У персидской поэтессы личная тема, если вообще о ней можно говорить, вливается в размышления о судьбе, ее всевластии и драматизме, восходя в нравственно-философскую сферу и рождая непреходящие уроки мудрости. Иной образ женской души дается в стихах поэта в конкретике судьбы иранской женщины в первой трети XX века, которую сама Парвин Этесами в реалиях своей уникальной жизни смогла превозмочь, отстояв свою свободу и возводя свою жизнь

в область культуры и творчества. В стихотворении «Женщине Ирана»¹ обычная женская участь описана как затворничество в доме, не судьба – а «изнанка судьбы», как жизнь в «клетке», ибо истинная судьба сокрыта невозможностью для женщины выйти к свету, к знанию, образованию и к применению той мудрости, которая исподволь скопилась за века в женских душах, в каждой из которых поэтесса видит «редкостный алмаз» (51), но скрытый в темноте. Сама Парвин воплотила в своей жизни «чистоту незыблемой нравственности», словами З. Хесарбани [Хесарбани, 2012, с. 44].

Русского читателя не может не поразить в единственном сборнике Парвин, в ее диване, отсутствие любовной лирики в привычном европейском ее понимании. В своей «Эпитафии» («Бог надо мною погасил свечу...») поэтесса, подводя итог своему пути – «суровой дороге» «по дорогой земле», пишет о переполняющей ее нежности к миру, оговаривая: «... пусть сама не знала я любви ...» (104). За этой строкой можно усмотреть ее драматическую личную биографию: счастливое детство, серьезное образование и культурные интересы, неудачный брак (едва ли не ради публикации своего дивана), развод, возвращение к отцу, смерть отца и вскоре ее ранняя смерть – в 34 года. Не зная личного счастья, поэтесса была наделена глубокой религиозной любовью к миру, земле и людям, состраданием к бедным и угнетенным, большим этическим темпераментом, нетерпимостью ко всякой нечистоте, неприятием – в духе религиозной традиции – господствующих в мире страстей. Свобода от страстей – высокая ценность для Парвин, так что преодоление их стало значимой темой ее поэзии: «Опять желанья душу рвут на части. / Не дьявольской ли ты поддался власти? И вряд ли избежать тебе позора, / Пока ты будешь жить во власти страсти», – так наставляет она своего собеседника в стихотворении «Из газели» (15). Или в касиде: «В тебе заговорила страсть однажды, / И разум твой стал погибать от жажды» (48). Личным чувствам и страстям в ее поэзии противопоставляются истинные ценности. Парвин Этесами избирает для своей проповеди диалогическую форму, близкую ее философскому и социальному темпераменту: она стремится в столкновении, борьбе и созвучии двух голосов воплощать высшую мудрость.

Стихотворение «Два света» являет характерную композицию спора у Парвин, дает полную и совершенную модель ее самобытного

¹ Переводы стихов П. Этесами в статье даны по следующему изданию: Этесами, Парвин. Путешествие слезы: Избр. стихотворения / Пер с перс. Г. Чистяковой и Вяч. Пушкина. М., 1984. Страницы указываются в тексте в скобках.

монастере, многократно варьируемую. Речь идет о различении истинного света и ложного – в диалоге, в обмене репликами традиционных для персидской поэзии Соловья и Луны. Первая реплика звучит из уст Соловья, восхваляющего Луну, и эта хвала звучит тонко и лирично: своим светом ты помогаешь людям, – говорит Соловей Луне, – в твоём свете горят ночные цветы, «...ты камню драгоценный свет несешь, / Вину прозрачность в кубке придаешь» (102), ты несешь добро и бедным хижинам, и дворцам, даришь прохладу и надежду. Реплика Соловья завершается вопросом: «О чистая! ... Куда же ты скрываешься порой?» (103). В ответ на неоспоримо поэтичные восхваления и на конечный вопрос звучит голос самой Луны, их как будто отрицающий: «Я впадаю в сон, / Лишь солнце заспешит на небосклон» (103). Истинен именно солнечный свет, – продолжает Луна, – в то время как в ней самой лишь призрак света, хотя она и хотела бы изливать свой свет: «... света у меня не может быть», «... не всякий, кто вверху, уже велик...» (103), – предостерегает она Соловья от недолжных похвал. И дает итоговое поучение: «Свет истинный отыскивай всю жизнь» (103). Этот урок превосходит первую позицию, отрицая ее в ее самодовлеющем звучании и включая в себя как частичную правду. Однако в завершение стихотворения звучит и третья реплика – обращение Парвин к самой себе с неким назиданием. Это ее излюбленный прием, выводящий басенную ситуацию (пусть и в тонко-лирической и философичной ее версии) в исповедально-личный контекст. Причем конечная мудрость этого авторского голоса – в обращенности к себе, новый и личный нравственный урок. Она связана с предшествующими репликами-позициями часто не напрямую, но обогащает нравоучительное стихотворение новым и объемным смыслом: «Твоя звезда, Парвин, среди планет / Пускай струит неотраженный свет» (104).

В диалоге стихотворения «Надежда и безнадежность» первая реплика принадлежит Надежде. Мы могли бы ожидать ее превосходства в итоге сопоставления, когда автор приводит нас к обретению истинной позиции. Но это ожидание не сбывается: реплика Безнадежности глубже и драматичней, победа в диалоге на ее стороне, при всей правомерности и первой точки зрения. Надежда упрекает Безнадежность в ее неодолимости: Безнадежность постоянно одерживает победу над сердцами, поскольку страсть всегда одолевает разум, а страдания приводят именно к безнадежности. Надежда видит причины всех бед на свете в безнадежности: с тобою, – говорит она, – всякий «труп равносилен» (83), от тебя и разрушение веры, и горе, и

тоска и страх, а я, – продолжает она, – освещаю сердца, развеиваю мрак, даю свет. Итоговая мудрость первого голоса: «Прекрасно сердце, полное надежды» (84). Бездна же отвечает, как будто не возражая: «Мы сестры, но судьба нас разделила, / Тебя росой, меня слезой умыла...» (84), она рассказывает свою повесть, о том, как страдания обратили ее в ночь, ее «свечу задул рассветный ветер» (84) – и в результате «... осталась тьма и я на свете» (84). В конце стихотворения Бездна подводит итог: «Живи в сердцах, где сладко, а не горько, / А вот меня ждут страждущие только» (84). В авторском выводе Надежда отступает, она бессильна здесь: «Надежда мимо молнией сверкнула / Всего на миг и в туче утонула» (84). Так мир в глазах Парвин предстает юдолью страданий, которую Надежда, при всей ее привлекательности для сердца, просветлить не может, и поэтесса на стороне страдающих, у которых в сердцах царит горечь и ночь.

Страдание, боль жизни, слезы – постоянная тема Парвин. Слеза играет роль особенного, изысканного символа, не случайно русский сборник ее стихотворений озаглавлен «Путешествие слезы». Слеза для поэта – это особенная реальность, можно сказать, слеза есть духовное событие: рождение слезы, квинтэссенции человеческого страдания, есть вспышка «на темном небе бытия земного» (13), это алая звезда, капля крови (в стихотворении «Путешествие слезы»). Слеза падает в мир и продолжает в нем свое эфирное бытие. В монастыре «Жемчуг слезы» слеза падает на землю и в пыли оказывается рядом с жемчужиной – такова исходная ситуация стихотворения. Первая реплика Слезы устанавливает их общность с Жемчужиной: «Ты тоже слеза!» (20), вообще нередко у Парвин в диалоге одна из реплик стремится к согласию и обобщению, которое далее опровергается или утверждается. Так, Жемчужина в ответ не стремится к единению, говорит о своем «знатном происхождении» и отказывается от дружбы с «безродной слезой» (21). Слеза своей второй репликой завершает стихотворение, подтверждая их общность единством участи, причем не без иронии: «В пыли на земле оказались мы обе» (21). И речь идет не только об общей земной судьбе для всех, без различия во внешней ценностной шкале, но и с высшей точки зрения, с точки зрения жестокой судьбы вообще: «Вести с небом споры возможно едва ли... / Жестоко и к бедной, и к знатной особе» (21).

Страдание и его смысл в судьбе человека – тема диалога в стихотворении «Море света», где репликами обмениваются Алмаз и Ювелир («Море света» – это название одного из самых крупных бриллиантов в мире). Ситуация стихотворения – высекание алмаза

ювелиром. Жалоба камня («Мне же больно...» (17)) и его вопрошание («Отчего страдаю?» (17)) – смысл первой реплики. Ювелир отвечает: ты страдаешь от моих ударов, но не из-за меня, такова твоя судьба. В итоге же: «Будешь ты сияющим и чистым, / Будешь ты прекрасным и лучистым» (17). Но Алмаз плачет, изнемогая от боли, сетует на темноту мира и снова вопрошает о причине боли и о своей вине: «В чем я перед небом провинился?» (17). В ответной реплике сострадающий Ювелир призывает к терпению: ведь, нанося удары, он осуществляет волю судьбы, «снимает грубую породу» (18), подобно художнику, и обещает Алмазу блестящую будущность, широкий мир, огромную ценность, море света. Так смысл страдания оказывается в выковывании истинного и светоносного лика души. Оба голоса несут свою правду в диалоге, но мудрость второго выше и глубже, она придает бытию и жестокостям судьбы смыслоносность, пусть и не снимаемая трагизма.

Любовь же как тема стихотворений не является у Парвин Этесами личным и конкретным чувством, в которое погружалась бы душа как в свою стихию, но, скорее, страсти души становятся поводом для размышлений и нравственных сентенций. Так, стихотворение «Истина и ложь» – одно из самых близких к ситуации счастливой любви в европейской лирике. Собеседники в нем – традиционные Соловей и Роза; ситуация признания обрисована кратко: «Был соловей в одну из роз влюблен, / И ей в любви открылся как-то он. / Друг другу мы назначены судьбой / И вечно будем счастливы с тобой» (33). Роза признается в ответном чувстве, говорит о своем счастье: «О прекрасный час!» (33). Но далее оказывается – и в этом своеобразии души поэтессы, – что сказанное соловьем, с ее точки зрения, есть ложь, его влюбленность лишь в словах, лишь к красоте, которая скоротечна, а слова неверны: «...кто любит, / Тот молчит всегда» (33). Истинно любящий проявляется в деяниях, он спасает в беде и готов отдать жизнь за любовь – «...вот истина. Все остальное – ложь» (33). Таков вывод женской мудрости о влюбленности в красоту. И заключительные слова: «Жаль, что тебя словами не проймешь» (33) – их горькая ирония подчеркивает: любовь Соловья и его признание не ценны для Розы, хоть она и счастлива, но за этим счастьем тут же встает призрачность его. И, увы, Роза осознает, что словами ей не убедить влюбленного в ложности его чувства.

Парвин Этесами в своих стихах часто обращается с нравственным уроком-призывом не поддаваться мнимой любви: «Друга не ищи в пылу любви минутном» (88), не попадайся в силки мнимой красоты, за внешней красотой не гоняйся, но «стойкой будь всегда» (89) и «взрасти

свой дух» (94) – и целые потоки мудрых советов дает Парвин собеседнику и самой себе. Но она почти не говорит о личном опыте, порождающем ее мудрость, – и здесь мы обращаем внимание на то, что Ахматова, полная противоположность в этом отношении, будет со всей полнотой открытости говорить как раз о личном опыте, о своих душевных переживаниях. Парвин же последовательно отказывается от погруженности в свою душу, ведь одна из ее ценностей – скромность, незанятость собой, своими чувствами: «... пусть глубь моей души / Не потревожит вас. / Страсть сердца моего / Хочу я скрыть от глаз» (96). И снова и снова звучит в ее стихах мотив чистоты: «Хочу, чтоб чист был сердца окоем» (96). Темой стихотворений Парвин собственные горестные переживания не становятся, ибо дело не в них: над всем властвует судьба, и понимать и принимать ее, следовать ей с чистым сердцем – такова жизненная задача поэтессы, об этом она говорит в ряде стихотворений.

Одно из ярких воплощений темы судьбы – «Стрела и лук». В ситуации стихотворения Стрела, оставшаяся после боя в колчане, укоряет Лук, который отправил ее подруг на гибель. Ища примирения и единства с ним, Стрела призывает к дружбе, с готовностью разделить его участь. Но ответ Лука – более высокое понимание ситуации, он говорит о том, что разлука им определена судьбой, он же сам лишь исполняет то, что должно: «Никто из нас дорог не выбирает» (38), «... и ты, стрела, должна с судьбой смириться, / И власть ее принять, и в путь пуститься» (38). Куда предстоит путь – «никто не знает» (39), и Лук не знает, куда посылает Стрелу. Так и люди – здесь реплику Лука поэтесса возводит на новую, третью ступень, разясняя подтекст ситуации: «... люди тоже стрелы в этом луке. / Их небо шлет на горести и муки» (39). И, принимая волю неотменимой судьбы, надо идти, выполнять долг, и на этом пути – таков главный вывод – «... сердце надо в чистоте хранить» (39).

Публикатор стихотворений Парвин Этесами на русском языке и автор предисловия В.Н. Дворянкова видит «основное противоречие ее мировоззрения» в том, что при активности жизненной и социальной позиции поэтесса утверждает покорность судьбе [Этесами, 1984, с. 7]. Действительно, при том что Парвин свойственны активность и деятельность в жизни, да и само ее поэтическое творчество есть активное и деятельное участие в жизни, – ее философская позиция основана всецело на следовании судьбе. Так она формулирует сущность своей поэзии:

Я открываю вам свою загадку:

Меня зовут Парвин. Мою тетрадку

Я называю дневником судьбы (6).

И следует сказать, что как раз противоречия здесь нет: Стреле подобает знать закон своей жизни, Лук выстреливает ею в неведомую ему цель, а стрелком является – то есть ради своих замыслов выпускает людей, как из лука, – высшая сила: «Лук небосвода стрелы выпускает» (39). Эта сила может быть к человеку жестока, с точки зрения самого человека, так, жалуется на свои страдания Алмаз, но итоговое сияние – конечная цель, огранка души в страданиях. И человеку подобает понимание целей судьбы и смирение.

Эта ситуация человека выражена и в монастыре «Опавший листок». В стихотворении сначала описана осенняя картина: осень, ветер, листопад. И на этом фоне думы Листка, который хотел скрыться от ветра в листве среди родных ветвей. Но он не думал – ибо не умел думать – что «судьба и ветер дружат» (78), и ветер, орудие судьбы (как и лук), срывает и листья, и короны с деревьев, и птицы оплакивают бывшее счастье, и весь сад погибает и сгорает в буре, как в огне. Последний Листок, сын своей Ветки, сорванный бурей, обращается с речью к матери, упрекая ее: «Ты не сумела защитить меня», а ведь «в твоё добро я верил беспредельно...» (79). Ответная реплика Ветки несет в себе увещание: «Мой глупый сын, / Но не всегда же быть листку на ветке, / Ведь у судьбы тяжёлая рука!» (80), «судьба порой выпускает когти», «в её когтях трепещет наша жизнь» (80), «ты же, – говорит она листку, – всего лишь упал на землю, а ведь в буре погиб целый сад: «...раз мир сгорел, ... / Тебе ли горевать о собственной судьбе!» (80). В итоге выводится трагическая истина о горестной участи отдельного листка: «...здесь просто лишний ты. / Когда сгорает сад, то ветку не жалеют. / И людям горя нет до палого листа. / Упал, пожухлый, ты на мёртвую аллею. / Сковала смерть твои крикливые уста» (8081). Финал диалога утверждает покорность судьбе и бессмысленность сетований на личную горькую участь, когда решаются судьбы мира. Вновь высокая и трудная истина второго голоса покрывает вполне понятную и «слишком человеческую» позицию первого.

Таковы диалогические стихотворения у Парвин: собеседники всегда слышат друг друга, отвечают друг другу в споре – и здесь вновь мы можем сравнить Парвин с Ахматовой, у которой два героя, всегда мужчина и женщина, не слышат друг друга, непроницаемы друг для друга, даже если в стихотворной ситуации между ними происходит диалог. У Парвин же между голосами, при всем превосходстве одного из них в глубине, широте и мудрости, возникает взаимодействие, даже если голос-победитель без остатка покрывает, включает в себя первый

или порой опровергает его. И почти всегда звучит мягкая нота сочувствия к опровергаемой позиции. Иногда в монастыре третий голос – авторский – выводит разговор на новый уровень, придавая искомой мудрости глубину и пронзительный драматизм.

Для высокой и горькой мудрости Парвин Этесами незначимы личные сетования, страсти и переживания человеческой души, и именно преодоление страстей и смирение перед судьбой придает высокое религиозное достоинство личности. И если теперь от этого мира Парвин перейти в мир Ахматовой, то контраст их покажется поразительным. Ахматова делает как раз то, от чего отказывается Парвин: она постоянно погружена в горестный и счастливый мир страстей, в опыт своей души, описывает и счастье, и несчастье, все оттенки любви, тончайшие перипетии чувства, через которые проходит душа и в которых сгорает. Как и Парвин, ей пришлось доказывать, что женщина может быть поэтом, вопреки одному из голосов ее поэзии: «быть поэтом женщине – нелепость ...»¹ (63) – так говорит один из ее героев. Но Ахматова никогда не вторгается в мир морализующих истин, она не несет людям нравственной проповеди, она лишь описывает и исследует опыт своей души, и он предстает в совсем иной ценностной перспективе, чем у Парвин. Это мир обычного европейского человека, который хоть и чувствует связь с религиозной традицией, близок ей в большей или меньшей степени, но редко следует ее учению, ибо самосознание его утверждает свое «я» как величайшую ценность, в жизни этого «я» все значимо, и на передний план выходят душевные переживания. Если это женская душа, то она живет больше в мире чувств, нежели мысли, и она лелеет в себе свои переживания как неотъемлемое достояние, а связи с другими душами составляют сюжет ее бытия. При этом душа женщины-поэта, отпущенная на волю, живет в стихии любви, в соприкосновении с душой и с целым миром другого человека, а встречи душ трудны и пронзительны – в этом опыте возвращается и формируется душевный мир европейского человека, утверждается и выковывается его сознание. И что получает поэтесса в результате своих трудных опытов, какую горькую мудрость? Об этом говорят ахматовские стихотворения. И в них тоже представлены диалогические формы, прямой разговор двоих.

¹ Стихотворения А.А. Ахматовой цитируются по следующему изданию: Ахматова А. Стихотворения и поэмы. [Вступ. статья А.А. Суркова. Сост., подгот. текста и примеч. В.М. Жирмунского]. Л., 1977. Страницы указываются в тексте в скобках.

В первый период творчества Ахматова по преимуществу вдохновляется именно любовью, из которой рождаются порой и молитвы, и религиозные темы, и размышления о поэзии, и философские ноты – они делают объемным портрет героини ее стихов. Любовь к человеку – центр ее мира. Любовь – это и рай, и ад ее жизни. Лирические стихотворения Ахматовой, как давно было отмечено, чаще всего обращены к другой душе, и тем самым по сути диалогичны, если понимать диалогизм ее лирики предельно широко, так что «установка на диалог» может быть не выявлена в пространстве стихотворения, «не эксплицирована» [Кихней, Круглова, 2009, с. 115]. В тексте часты и включения отдельных реплик или фрагменты реплик, о строении которых, их сбивчивости, несовпадении тона, контрастности, о «скачках реплик» [Виноградов, 1976, с. 457], о «трагическом тоне и характере диалога», когда главное происходит «поверх слов» [Виноградов, 1976, с. 458], писал В.В. Виноградов в главе «О гримасах диалогов» его исследования об Ахматовой. Но мы здесь выбираем из ее стихотворений те формы, которые являются прямым обменом репликами, то есть диалогом в узком смысле этого слова и рассматриваем их в ракурсе проблемы понимания. Таких стихотворений, где звучат два голоса внутри ахматовского стихотворения, около трех десятков. Большинство же ее лирических миниатюр – это монологическая по форме реплика, одна из реплик в ее нескончаемом разговоре с собеседником, внутренне диалогическая, с учетом ситуации и позиции второго, хотя и безмолвного участника события: «И до света не слушаешь ты, / Как струится поток доказательств / Несравненной моей правоты <...>» (198). Чаще герой именно НЕ слушает – да и героиня НЕ слышит собеседника, она в своих стихах обращается к герою, говорит снова и снова, всякий раз о себе и разное в разных ситуациях, часто без надежды на понимание. Но любопытны ситуации, когда в стихотворении герой отвечает героине или она ему. И мы не обнаружим, как у Парвин, иерархического ценностного различия двух голосов в их споре, при том что, конечно, права – ОНА. Но истинно ли то утверждение, которое высказывает занятая лишь своей «несравненной правотой» героиня? Дело совсем не в этом, а в своеобычности ее чувства.

Стихотворение «Сжала руки под темной вуалью...» несет в себе двойной диалог. «Отчего ты сегодня бледна?» (28) – вопрошает дружественный голос, и героиня стихотворения рассказывает в ответ о расставании, об уходе героя. Причина его – неназванная здесь обида, вероятно, это слова, сказанные ею, после которых он, раненный ими, «вышел, шатаясь...» (28). Героиня, спохватываясь, догоняет его – и вот

второй диалог: «Шутка, / Все, что было. Уйдешь, я умру» (28). Герой отвечает, с улыбкой, многозначным «Не стой на ветру» (28). Здесь и ирония, и насмешка, и забота – и очевидно, что это ответ не на призыв простить и вернуться – но ответ по сути ситуации: прощения нет, произошедшее непоправимо. Безнадежность ситуации лишь подчеркивается наличием ответа не на вопрос. Диалог построен так: реплика – и ответ не о том, по сути – отказ отвечать. И говорить о правоте и правде в этой ситуации невозможно, ибо происходящее между двумя душами в своем трагизме не подлежит этим критериям.

Аналогичной антиномией звучат реплики героев, не слышащих друг друга и чувствующих противоположное, в стихотворении «Под навесом темной риги жарко...». Он: «Мы ль не встретим на пути удачу!» (38) – она слышит слова героя, но они ничего не значат, ее чувство совсем иное в этой ситуации кажущегося счастья, о том же общем пути она говорит безнадежно: «Ах, пусты дорожные котомки, / А на завтра голод и ненастье!» (39). Это несозвучие, более, почти отчаяние в видимом счастье и есть суть стихотворения.

Еще более контрастны реплики героев стихотворения «Сероглазый король», не ведающих о действительном мире друг друга. Муж героини спокойно сообщает некий безразличный для него факт: «Знаешь, с охоты его принесли, / Тело у старого дуба нашли...» (44) – и героиня стихотворения, не ответившая ему, отвечает себе: «А за окном шелестят тополя: “Нет на земле твоего короля...”» (44). Этим тополям ведома правда, скрытая от ее мужа, и она в согласии с печальным природным голосом – все знающих тополей. В неразделенности своей беды героиня предельно и безнадежно далека от героя.

В стихотворении «Песня последней встречи» происходит подобный же диалог согласия героини – не с героем, а с природой. Героиня покидает героя, который не останавливает ее, равнодушно дает ей уйти. К ней обращается как будто голос – шепот самой осени, осенних умирающих листьев, и говорит то, что чувствует и она. «Между кленов шепот осенний / Попросил: “Со мною умри! / Я обманут моей унылой, / Переменчивой, злой судьбой”» (30). И ответная реплика героини подтверждает сходство – ощущение смерти и принятие ее: «Я ответила: “Милый, милый! / И я тоже. Умру с тобой...”» (30). Согласие здесь есть не что иное, как характерное для поэзии Ахматовой соответствие между ее душевным состоянием и некой природной сущностью.

То же согласие, но более сложное, дано в стихотворении «Отрывок», когда героиня говорит вновь с осенним голосом: к ней

сострадательно обращается «кто-то во мраке дерев незримый», шуруша «опавшей листвою»: «Что сделал с тобой любимый... <...> Он предал тебя тоске и удушью / Отравительницы-любви <...>» (60). И героиня возражает – по видимости – «обидчику», который в действительности разгадал ее ситуацию: «Он тихий, он нежный, он мне покорный, / Влюбленный в меня навсегда!» (60). Драматичность ее ситуации в том, что верно и то и другое, когда соединяются рай и ад, когда любовь отравляет, несет в себе нежность и мучительство.

Невозможность единства и гармонии, мука этой невозможности лишь подчеркивается диалогами двух голосов, когда реплики их развертываются в разных реальностях и в пересекающихся душевных пространствах. Так в целом ряде стихотворений наличие диалога в краткой лирической форме призвано подчеркнуть драматическое неслышание героями друг друга, непреодолимость непонимания между людьми, которые связаны любовью, но лишь ранят друг друга – в тех сложных и жестоких отношениях между душами, которые называются страстями и которые приносят глубокое страдание. Тема ада любви кульминирует в диалогическом стихотворении «Муза», здесь не только описание Музы и обращение к ней, как обычно у поэтов, но и ответ Музы, очень весомый, краткий – однословный. «“Ты ль Данту диктовала / Страницы Ада?” – отвечает: “Я”» (184). Подобно тому как Данте проходил все круги Ада, так и женская душа в этом сопоставлении обречена на Ад чувств и отношений в жизни с другими душами. «Милая гостья» ее стихотворений оказывается той же, что вдохновила Данте на мучительные строки о страданиях грешников, поэтесса же говорит о тех муках, что выпали на ее долю.

Есть ли у Ахматовой в любовных стихах подобные исключения, взаимопонимание, которое соединило ее с ее Музой? Можно назвать лишь один диалог счастливого страстного чувства – «Побег», но это лишь минутная страсть. А полное согласие душ и примирение, выраженное в диалоге, наступает только в смерти – в стихотворении «Бесшумно ходили по дому...», в этой ситуации героиня стихотворения приходит проститься с умирающим: «Он сказал: “Теперь слава Богу”, / – И еще задумчивей стал. / “Давно мне пора в дорогу, / Я только тебя поджидал. / Так меня ты в бреду тревожишь, / Все слова твои берегу. / Скажи: ты простить не можешь?” / И я сказала: “Могу”» (112). После отрадного и вновь односложного согласия в реплике героини следует благодарное: «Хорошо, что ты отпустила, / Не всегда ты доброй была» (112). Единственное великодушное слово, ответ героини в этой ситуации

диалога: «Могу» – она может, подобно священнику, отпустить грех кающемуся – такова сила встретившихся на миг чувств. Здесь рождается такое редкое у Ахматовой в миг примирения – единство душ – в общей точке времени, в самый канун смерти. После чего героиня обращается уже к Богу, с молитвой об усопшем: «Господи Боже, / Прими раба твоего» (112).

Это стихотворение 1914 года, а далее внешние трагические события меняют лирику Ахматовой, годы мировой войны приносят новые темы, трагизм мироощущения обретает иные основания: упавший листок оплакивает не себя, а гибель целого сада, и уже без всяких личных сетований. Муза, поэзия, а также родина, Россия, оказываются порой выше и значительнее личного чувства. Конечно, страницы Ада из ахматовского стихотворения о Музе – это и страшные годы русской истории, весь трагизм дивной и несравненной судьбы поэтессы.

В стихотворении о России звучит еще один, драматический диалог: «Мне голос был...» (148) – это говорится о голосе духа-искусителя, призывающего покинуть Россию в годы революции ради личного спасения и обретения благополучия: «Оставь Россию навсегда» (148). На обещания всех благ она отвечает этому лукавому голосу – молчанием, не устаивая призыв какого бы то ни было словесного ответа, ее ответ – жест: «Руками я замкнула слух» (148). Этот презрительный ответ искусителю, предельный и презрительный отказ от диалога, утверждает высшую ценность – преданность Родине.

В позднейших стихотворениях Ахматовой прямой диалог двоих почти не звучит. Отметим философскую ноту стихотворения «Памяти Срезневской», которое завершается диалогически: репликой умершей, данной в косвенной речи, и ответом-согласием другого голоса, авторского. «Но звонкий голос твой зовет меня оттуда / И просит не грустить и смерти ждать, как чуда. / Ну что ж! попробую» (265). Здесь, когда встреча совершается в присутствии смерти, вновь осуществляется глубокое созвучие, самое глубокое гармоническое единство голосов из всех ахматовских диалогов. Прочное единение душ в жизни недостижимо, их взаимная зависимость есть мученье и ад, но достижим миг истинной встречи в смерти – это один из тех выводов, который делается, в созвучии с христианским пониманием посмертия, в ахматовской лирике. Но обогащающий опыт соприкосновения душ, пусть мгновенного, горестный опыт сердца в любви есть то достояние, которое выносит из жизненных ситуаций душа поэтессы и наделяет ее той мудростью, которая живет в ее стихах, особенно второй половины жизни. Эта мудрость не требовала

своего выражения в диалогической форме, которая была бы слишком прямой и рассудочной, слишком морализаторской. Мудрость, которой дышит вся поздняя ахматовская лирика, вне этих измерений, она выговаривается интимно и лично, никогда в проповеди и крайне редко в поучении.

Итак, две поэтессы, современницы, такие разные во всем, в культурных истоках, в религии, в самом устройстве души и в личных ценностях, даже в длительности отпущенного срока, по-разному выявляют свой опыт и свое самосознание, соответственно творческому заданию и судьбе. И диалогические формы в их стихотворениях служат своим собственным, несхожим целям. У Парвин Этесами они действуют в контексте ее религиозной и поэтической традиции, как живая связь с ней, и служат утверждению высших нравственных ценностей: чистоты сердца и ума, прятая судьбы и стойкости в ее проживании, равно как отрицанию страстей и погруженности в личные чувства. В лирике Ахматовой, в самостоянии индивидуальной души, опыт чувств и сопряжений с другими душами в стихии любви, во всех ее обликах и гранях, предстает как высшая предназначенность и становится основной темой. Диалогические фрагменты стихов выявляют в проживании страстей, со всей их мучительной безнадежностью, трагические кульминации опыта души, обостренно выражая замкнутость душ и в самом глубоком обоюдном страдании. Когда в цепи ахматовских любовных ситуаций выявляются невстречи, непонимания, мучительное одиночество героев, этот отравляющий лик любви, – как не вспомнить все предупреждения Парвин Этесами о разрушительности страстей. То, что Парвин утверждала в прямых уроках нравственности, Ахматова показывает в реалиях проживания чувства, всю горечь невозможности обрести единство душ даже в страстной любви, и особенно в ней. Не ищи друга в минутной страсти – говорила Парвин Этесами, а Ахматова искала неустанно, порой обретала друга, чаще находя друга-врага, раненного, как и она, страстью, не дающей гармонии душ. Конечно, Ахматова менее всего стремилась преподнести нам уроки аскетики, воплощая мысль о гибельности страстей, но в свете стихов Парвин Этесами, у нее получилось именно это. В этой точке можно усмотреть встречу двух поэтесс, не сходных почти ни в чем, кроме высокого мужества и достоинства в несении своего предназначения и в противостоянии своему времени, утверждению своей собственной сущности, своего света, подобного солнечному.

Литература

Виноградов В.В. О поэзии Анны Ахматовой (стилистические наброски) / Поэтика русской литературы. Избранные труды. М., 1976.

Данешгар А. Парвин Этесами, поэтесса из родов света. Тегеран, 1996. (на фарси)

Карачи Р. Парвин Этесами, с описательной библиографией. Тегеран, 2004. (на фарси)

Кихней Л.Г., Круглова Т.С. К проблеме диалога в лирике Анны Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Вып. 7. Симферополь, 2009.

Сафари-Елизеи Т. Сопоставительский анализ лирики Парвин Этесами и Марины Цветаевой. Тегеран, 2008.

Хесарбани З. Парвин Этесами и традиция полемической поэзии (мунозира) в персидской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2012.

Список источников

Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы. Л., 1977.

Этесами П. Путешествие слезы: Избр. стихотворения / Пер с перс. Г. Чистяковой и Вяч. Пушкина. М., 1984.

References

Vinogradov V.V. *O poezii Anny Akhmatovoj (stilisticheskie nabroski)* [About the Poetry of Anna Akhmatova (stylistic sketches)]. *Pojetika russkoj literatury. Izbrannye trudy* [The Poetics of Russian Literature. Selected Works]. Moskva, 1976.

Daneshgar A. *Parvin Jetesami, pojetessa iz rodov sveta* [Parvin Ethesami, Poet of the Birth of the World], Tegeran, 1996 (na farsi).

Karachi R. *Parvin Jetesami, s opisatel'noj bibliografiej* [Parvin Ethesami, with a Descriptive Bibliography]. Tegeran, 2004 (na farsi).

Kihnej L.G., Kruglova T.S. *K probleme dialoga v lirike Anny Akhmatovoj* [To the Problem of Dialogue in the Lyrics of Anna Akhmatova]. *Anna Akhmatova: jepoha, sud'ba, tvorcestvo* [Anna Akhmatova: Era, Destiny, Creativity]. Iss. 7. Simferopol', 2009.

Safari-Elizei T. *Sopostavitel'skij analiz liriki Parvin Jetesami i Mariny Cvetaevoj* [Comparative Analysis of the Lyrics by Parvin Etesami and Marina Tsvetaeva], Tegeran, 2008.

Hesarbani Z. *Parvin Jetesami i tradicija polemicheskoi poezii (munozira) v persidskoj literature* [Parvin Ethesami and the Tradition of Polemic Poetry (Munozira) in Persian Literature]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Dushanbe, 2012.

List of sources

Akhmatova A.A. *Stihotvorenija i pojemy* [Poems]. Leningrad, 1977.

Jetesami P. *Puteshestvie slezy: Izbr. stihotvorenija* [Traveling Tears: Selected Poems]. Moskva, 1984.